

ПРЕОДОЛЕВАЯ АВТОРИТАРИЗМ:
PATH-DEPENDENCE
И НОВАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Прошел год, как Беларусь вступила в период тяжелейшего социально-политического кризиса — самого тяжелого за всё время существования этой постсоветской страны. 2021 стал годом масштабных репрессий и массовой вынужденной эмиграции: наступил период политической реакции госаппарата на революционный подъем гражданского общества 2020 года. Одновременно с этим, 2021-й был годом 30-летия распада СССР, геополитического и идеологического коллапса, имевшего глобальное историческое значение и положившего начало новой, постсоветской, эпохе для огромного региона.

«Постсоветской» совсем не обязательно — и не сразу — означало «не-советской». История трансформаций бывших советских социалистических республик — это история постепенного преодоления path-dependence, зависимости от советского прошлого. За три десятилетия ближайшие соседки Беларуси — Литва, Россия, Украина — прошли в этом отношении очень разные пути. Литва форсированно вошла в ЕС, идиосинкратически стряхнув с себя налет советской идеологии, не ставшей в этой стране «своей» благодаря сильному антидоту в виде национально-демократических традиций. Украина, пройдя через два Майдана и мобилизацию национального патриотизма, уперлась в два системных препятствия, с которыми ей предстоит каким-то образом разобраться: внешнюю угрозу («необъявленную войну») со стороны России и внутреннюю угрозу со стороны патрональной модели демократии. Россия после первоначального периода «олигархической анархии» переработала советское прошлое в определенном смысле

по-гегелевски: обретя при Путине новую политическую устойчивость в патрональной автократии, основывающей свою идеологию на реактуализации идеи империи.

Среди европейских постсоветских стран Беларусь, на пару с Россией, пошла по пути переработки советского авторитарного наследия в «превращенную форму» постсоветской автократии. При этом режим Лукашенко в своей политике, идеологии и официальной риторике демонстрировал — и нарочито подчеркивал — больше скреп с советским, нежели режим Путина. В этой связи политическая реакция режима Лукашенко на демократический протест 2020–2021 гг. может рассматриваться как судорожное усилие сохранить модель власти, которая «кровно» связана с советским режимом, прекратившим свое существование 30 лет назад.

Характерно, что к последним президентским выборам Лукашенко пришел с той же проблемой, что и коммунистическая партия СССР к 1990-му: утратой морального авторитета и идейного лидерства. Под давлением массовых демонстраций руководство СССР пошло тогда на чрезвычайную меру, исключив из советской Конституции статью о монополии КПСС на власть: колосс дал трещину, за которой вскорости последовало и полное разрушение. Нужно подчеркнуть, что стремительное крушение советского коммунистического проекта в период с 1989 по 1991¹ было контекстуально связано с чередой «бархатных революций» 1989 года, положивших конец коммунистическим режимам в Центральной Европе. В этом отношении массовый демократический протест против режима Лукашенко в 2020 г. разворачивался в существенно ином международном контексте, который мог, скорее, укреплять веру Лукашенко в перспективность авторитарного правления, несмотря на отчетливые признаки кризиса народного доверия к его президентству.

Синхронизация белорусского авторитарного режима с новыми автократиями и антилиберальными тенденциями в Центральной и Восточной Европе создала видимость попадания Беларуси в генеральные тренды социально-политических трансформаций в европейском регионе, в результате чего некоторые эксперты даже предложили переименовать белорусского правителя из «последнего» в «первого» диктатора Европы. Однако генеалогия и характер белорусского режима — в особенности отсутствие необходимой легитимирующей поддержки со стороны народа — не позволяют сделать Лукашенко «своим» в компании

1 Значимые события этого периода: 1989 — первые в СССР альтернативные выборы народных депутатов; 1990 — выборы в Верховные Советы союзных республик.

новых европейских автократов (о чем красноречиво свидетельствует его нынешняя «нерукопожатность»). Новейшие правые и авторитарные тенденции в европейских странах обусловлены разочарованиями в той модели либеральной демократии, которая сформировалась на почве неолиберального капитализма и долгое время считалась образцовой и безальтернативной (Фукуяма стал в этой связи автором глобального философского мема о «конце истории»). Беларусский авторитарный режим возник и вплоть до сегодняшнего дня удерживает власть в силу совершенно иных причин, связанных в том числе с советским наследием в социально-политическом устройстве беларусского государства.

Формирование и устойчивость режима Лукашенко в первые десять лет правления были обусловлены соответствием его политического курса базовой потребности людей в обретении более-менее стабильной социально-экономической опоры после краха СССР. Как и в других постсоветских странах, распад Советского Союза был встречен в Беларуси противоречивыми переживаниями: экзистенциальная тревога из-за утраты привычной мировоззренческой системы координат и государственной системы социальной защиты сочеталась с надеждами на возможность построения принципиально иного общества. Надежды, пробужденные еще на этапе Перестройки, были связаны с двумя генеральными направлениями: либерализацией (включавшей переход к рынку и демократизацию социальных институтов) и возрождением национального сознания. Поэтому общественно-политическое движение, которое в конце 80-х составило реальную альтернативу коммунистической партии, было национально-демократическим — его название заключало в себе сильный мобилирующий месседж: Беларусский Народный Фронт «Возрождение». Однако после распада СССР проект национального возрождения, продвигаемый БНФ, не смог конкурировать с предложением, которое исходило от Лукашенко на первых президентских выборах в истории независимой Беларуси. Представая в сознании избирателей как альтернатива советской коммунистической власти (воплощенной тогда в фигуре В. Кебича), Лукашенко дал понять, что его курс — это, фигурально выражаясь, сохранение СССР в отдельно взятой стране, только... без коммунистической диктатуры. Никто не думал тогда, что популистская победа молодого кандидата приведет к новой диктатуре: после референдума 1996 года не только либерально-демократический принцип разделения властей, но и партийная модель распределения ответственности были отклонены первым президентом, не желавшим никаким образом ограничивать свою власть как суверена. Так произошла квазиархаизация государственной власти:

форсированный переход к *patria potestas*, власти Хозяина, которая чем дальше, тем больше обнаруживала черты *hybris*.

Таким образом, среди европейских стран возникшего на карте «постсоветского региона» в Беларуси уже в 90-е годы обозначились реверсивные тенденции: с приходом к власти Лукашенко началось подавление национальной культуры и укрепление авторитарного управления во всех сферах общественной жизни. Новый авторитарный режим, с одной стороны, выступал наследником советской системы (тоталитарных институтов, социалистической экономики, идеологических/исторических мифов, ценностных стереотипов), с другой — последовательно осваивал возможности, связанные с включением Беларуси в контекст глобального капитализма. Эта амбивалентная ситуация выявляла ограниченность доминирующей модели интерпретации постсоветских трансформаций в парадигме транзитологии и догоняющей модернизации, или подражания западным либеральным демократиям. Характер социально-экономических процессов в Беларуси уже в 90-е годы не вписывался в линейную логику «постсоветского транзита», указывая на необходимость замещения ориентации на идеально-типическую «западную» модель фокусированием на комплексном взаимодействии локальных политических, культурно-исторических и аксиологических факторов.

Закрепление авторитарного режима в Беларуси в значительной степени объяснялось многолетней гражданской пассивностью — политической индифферентностью — большей части населения страны. Бессилие и неконструктивность традиционной оппозиции, подвергавшейся систематической критике с самых разных сторон, были проявлениями более фундаментальной проблемы — слабости гражданского общества, которое потенциально призвано быть ключевым политическим субъектом в демократической республике. Легитимность режима Лукашенко долгое время основывалась, с одной стороны, на укоренившемся представлении о его эффективности, с другой — на так называемом «социальном контракте»: согласии граждан на политическую лояльность взамен на базовые социальные блага со стороны государства, а также — в периоды «оттепелей» — взамен на возможность выстраивать свою «параллельную реальность» в виде проектов и начинаний, ментально и эстетически потусторонних «официальной Беларуси».

Недееспособное, атомизированное гражданское общество было, возможно, главной «ценностью», которую первый президент независимой Беларуси получил в наследство после распада СССР и которую целенаправленно культивировал, опираясь на фасадную демократию. При этом любовь Лукашенко к плебисциту

(как форме коммуникации между гражданином и сувереном) была оборотной стороной нелюбви к сообществам (партиям, объединениям, НКО и т. п.) как формам гражданской и общественной автономии. Когда в постсоветском регионе началась волна «цветных революций», белорусский авторитарный режим легко справлялся с созвучными общему тренду всплесками протестной гражданской активности в рамках президентских электоральных кампаний: так было в 2006 (см. TOPOS №2, 2006 / тема номера: *Выбор и выборы*) и в 2010 (см. TOPOS №2, 2011 / тема номера: *19 декабря*). Введенная Виталием Силицким дефиниция «превентивный авторитаризм» была удачной и точной прежде всего в плане характеристики работы режима с гражданским обществом. В 2016 году по заказу международной некоммерческой организации Pact в Беларуси был проведен национальный социологический опрос «Тест на гражданственность»². Ниже приводятся данные из этого опроса, отражающие ситуацию по одному из основополагающих моментов гражданской субъектности — вере индивида в то, что его/ее действия могут что-то изменить.

Как вы считаете, ваш личный выбор и поведение (действия или бездействие) влияют на что-либо в Беларуси?		
	Согласен с утверждением, %	Не согласен с утверждением, %
Влияют на качество моей личной жизни	27,2	72,8
Влияют на качество моей личной жизни и жизни моей семьи, родных и близких	33	67
Влияют на политику местных органов власти	1,4	98,6
Влияют на решения высших органов власти и государственную политику	1,2	98,8
Нет, не влияют — в Беларуси всё решает государство	64,1	35,9
Затрудняюсь ответить/отказ от ответа	7,8/1,1	

Когда мы знакомимся с результатами данного опроса, важно помнить, что значительная часть опрошенных — госслужащие. Поэтому в приводимых цифрах мы находим объяснение не только тому, что способствовало устойчивости режима «извне» (слабое гражданское общество), но и тому, что обеспечивало

2 Результаты опроса были опубликованы на официальном сайте организации Pact в феврале 2017. См. https://www.pactworld.org/sites/default/files/Belarus_Civic_Literacy_Test_Memo_RU_final_.pdf

воспроизводство режима «изнутри». Работа государственных институций осуществляется за счет послушной конформности воли индивидов авторитарным паттернам, которые, с одной стороны, опираются на дефицит субъектности у служащих, а с другой стороны, сами постоянно осуществляют депривацию субъектности (agency). На вопрос «Кто в Беларуси является единственным источником государственной власти и носителем суверенитета, согласно Конституции Республики Беларусь?» 54,9% опрошенных ответили «президент», и только 33,1% ответили «народ». Устойчивость белорусской авторитарной власти разоблачает определенную утопичность кантовских надежд на различие частного и публичного пользования разумом. Такое различие выглядит слишком механистическим и не учитывает, что человек, ответивший «президент», не станет ничего предпринимать в публичной жизни именно потому, что уверен — и политически обездвижен тем, — что «всё решает государство». Пример постсоветской Беларуси убедительно показал, что для культивирования гражданской субъектности и формирования дееспособного гражданского общества требуется не только просветительская работа, но и широкая группа людей, занятых в негосударственном секторе — то есть не скованных силками государственной авторитарной модели.

С течением времени экономические сложности, с которыми в силу разных причин (перебои с российской финансовой помощью, глобальный экономический кризис, откладывание реформ) сталкивался режим, привели к тому, что концепт социального государства стал всё больше приобретать черты идеологического мифа. В свою очередь, сложившаяся вокруг «вертикали власти» система государственного капитализма сильно ограничивала развитие свободного предпринимательства. Всё это вызывало в обществе фрустрирующий эффект, заставляя переключаться в режим выживания — не только в экономическом смысле, но и морально-психологическом: потому что всякое креативное начинание нужно было отстаивать вопреки сопротивлению государственной бюрократической машины. После 2010 года в обществе росло понимание того, что фундаментальной проблемой белорусских властей является кризис репрезентации.

Критическим является отсутствие систематической функциональной взаимосвязи между государственным аппаратом и гражданским обществом. Авторитарная власть не представляет и не принимает во внимание интересы граждан, общественности. Сложился такой тип авторитарного правления, который строился на неуважении к гражданам — на их политическом бесправию. Фактически продвигался авторитарный вариант биополитики, так как

граждане принимались во внимание преимущественно как единицы рабочей силы и налогоплательщики — то есть в категориях демографии и экономики, а не политики (*res publica*).

Последний период относительной либерализации общественной жизни (2015–2019) позволил «параллельной» — неофициальной — Беларуси осознать собственный кооперативный созидательный потенциал, который приоткрылся через многочисленные низовые (*grassroots*) инициативы самых разных некоммерческих НГО и локальных сообществ по всей стране. Многие из проектов (включая краудфандинговые платформы) предполагали социальное партнерство бизнеса и представителей разнообразных культурных и экспертных областей. Появление в белорусской экономике отдельного «класса» айтишников добавляло ощущение новых возможностей, свободно вплетающих белорусскую интеллектуальную продукцию в глобальную трансграничную коммуникацию. Антиковидная мобилизация гражданского общества весной 2020 стала бесспорным доказательством того, что оно в Беларуси сформировалось и представляет собой автономную дееспособную силу.

Судя по тому, как развивалась далее электоральная кампания 2020 года, граждане совершенно очевидно «забыли» о том, что — с точки зрения власти — вся их общественная жизнедеятельность допустима при условии политической лояльности. Общество выросло из «социального контракта», который, надо отметить, оно, строго говоря, и не заключало. «Социальный контракт», на котором базировалось прежнее относительно мирное сосуществование граждан с режимом (политическая пассивность/лояльность в обмен на базовые социальные блага), не был реальным политическим действием. Это был воображаемый принцип, который далеко не всеми осознавался. При этом сложившийся социальный порядок функционировал и воспроизводился именно благодаря тому, что самые разные социальные акторы в своем поведении сообразовывались с прагматической целесообразностью указанного обмена. Большинство граждан даже никак не рефлексировало на этот счет. Сами того не осознавая, люди просто жили в соответствии с изложенной моделью договора, приспособляясь к специфике авторитарной государственной системы. Владимир Фурс называл эту адаптивную стратегию «самоумалением личности». Предвыборная кампания показала, что большая часть граждан притязает не только на моральную вменяемость, но и на политическое участие — на то, чтобы стать/быть *zoon politikon*. События, которые произошли после выборов, позволяют говорить о формировании и утверждении гражданского общества как нового политического субъекта.

Данный номер посвящен осмыслению специфики, предпосылок и перспектив белорусского гражданского протеста 2020–2021 гг. против авторитарного режима. Редакция журнала выражает искреннюю благодарность всем авторам выпуска за солидарность и внимание к событиям в Беларуси.

Татьяна Щитцова